

**Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН**
г. Петрозаводск

*Все герои и события в повести
вымышленные.
Любые совпадения случайны.*

1

Беда не приходит одна. Правда, её подруга, горестная весть, иногда запаздывает. Так бывает: живёшь, живёшь и вдруг – бац!

К Татьяне весть явилась в виде серого казённого листка, из которого она узнала, что на 20-летнего сына – студента Тимофея возбуждено уголовное дело. Вот тогда, два месяца назад, оказывается, и явилась к ним в дом настоящая беда.

Тимофей подвозил на отцовской машине сестру своего знакомого и угодил в аварию. Улица оказалась неосвещённой, и машина, налетев на какое-то препятствие, перевернулась... К счастью, все оказались живы и здоровы. Доктора городской больницы, куда пассажирку Ирину доставила скорая, вызванная Тимофеем, засвидетельствовали лишь лёгкие телесные повреждения. Ирину тут же отправили домой.

Конечно, без переживаний и сетований по поводу угробленной машины дома не обошлось. Но их быстро примирила радость: ведь никто не пострадал. Слава богу, решили они тогда. Машина – дело наживное. Как говорят, деньги потерял – ничего не потерял, а здоровье потерял – всё потерял.

Но теперь перед растерявшейся Татьяной стоял Тимофей с горестной бумажкой в руках и что-то уныло бормотал. Оказывается, был у следователя и ему назначили государственного защитника. Сын торопливо вынул из кармана ещё одну бумажку, мятый клочок, и протянул матери. На клочке она прочитала записанные неровным торопливым почерком имя, фамилию и телефон адвоката.

Татьяна судорожно скомкала листок в ладони. Молоточками стучало в висках: «Уголовное дело, суд, адвокат... Что же делать? Что?!» Татьяна добрела до кухни, налила воды. Словно пытаясь отогнать тяжёлые мысли, резко встряхнула головой из стороны в сторону – по бледному лицу хлестнули её длинные,

*повесть
часть первая*

медного цвета, волосы. В светлых глазах закипали слёзы, правильно очерченные губы задрожали... Она судорожно опустошила кружку. Через пару минут она смогла взять себя в руки.

«Ну что же, раз так, нужно действовать». Она расправила бумажку с адресом и коротко сказала сыну:

– Я хочу встретиться с адвокатом. Сама.

На его несмелые протесты махнула рукой, добавив:

– Ты своё уже сделал. А я имею право.

2

Они встретились в офисе адвокатской конторы. Адвокат – лысоватый, кругленький человек с маленькими пронизательными глазками – равнодушно, не вставая, ответил кивком на приветствие Татьяны и снова упёрся взглядом в толстую книгу. «Уголовный кодекс Российской Федерации», – прочитала Татьяна на обложке. К встрече она подготовилась, кое-что почитала в интернете и теперь знала: уголовное дело по факту тяжких телесных повреждений можно возбудить лишь при наличии медицинской справки о таковых.

Она особо отметила, что справку должны выдать сразу после происшествия. Если она появляется позже чем через две недели, то не может быть основанием для возбуждения уголовного дела. Татьяна подумала, что это правильно. С течением времени любой недуг можно заработать по множеству других причин.

Татьяна вспомнила, что в случае с её сыном уголовное дело завели только через два месяца после аварии. Но ведь сразу, тем печальным вечером, по заключению врачей, пассажирка Ирина получила лишь лёгкие телесные повреждения. А по факту «лёгких телесных» уголовные дела не возбуждают.

Теперь Татьяне казалось, что всё произошедшее – просто ошибка. «Бывает, – думала она. – Всюду работают люди, и не все обладают должной квалификацией, чтобы не ошибаться». Она надеялась, что этот, судя по возрасту, опытный адвокат уже знает, как ошибку исправить.

К удивлению Татьяны, адвокат Прохоров

Игорь Сергеевич не собирался исправлять никаких ошибок. Он бесстрастно выслушал её предположения и бесцветным голосом произнёс:

– Уголовное дело возбуждено по статье 264 УК РФ. – Он открыл лежащий перед ним кодекс и продолжил: – За данное преступление полагается два года лишения свободы. Я советую вашему сыну признать свою вину. Со своей стороны могу добиться условного осуждения. Ну, походит, поотмечается пару лет – что же в этом страшного?

Что страшного? У Татьяны всё поплыло перед глазами. Выходит, её Тимофей совершил настоящее преступление и его ждёт судимость. Клеймо на всю жизнь! А человек, призванный защищать обвиняемого по долгу службы, не видит в этом ничего страшного?! И даже не пытается разобраться в деле, которое, похоже, даже не читал...

Татьяна поняла, что делать здесь больше нечего. Она резко встала.

– Где мне найти адвоката, работающего за деньги? – так же резко задала она вопрос.

Тут Прохоров неожиданно преобразился. Его глаза блеснули. И он быстро заговорил:

– Понимаете, в этом деле много и других зацепок, кроме сомнительной справки о тяжких телесных повреждениях, взявшихся два месяца спустя неизвестно откуда. И за определённую сумму я, пожалуй, мог бы добиться оправдательного приговора для Тимофея.

Адвокат стал сама любезность. Он оставил Уголовный кодекс, обошёл стол и начал горячо убеждать Татьяну, поминутно трогая её за рукав:

– Действительно, какой ваш сын преступник? Просто смешно! Ведь не убил, не ограбил. Ну, влетел на тёмной дороге в препятствие, но он же сам вызвал скорую, с места происшествия не скрылся, алкоголя в крови не обнаружили. С кем не бывает...

Но Татьяна уже не слушала. Дурная сцена с перевоплощением при одном упоминании денег стала ей невыносимо противна. Раздражённым жестом она оттолкнула руку адвоката и прервала его монолог.

– До свидания, – как можно спокойнее произнесла она, закрывая за собой дверь.

3

Её беспокоила не только судьба Тимки, но и той девушки, которая, согласно медицинскому заключению, получила тяжкие телесные повреждения.

По словам сына, Ира попросила подвезти ее поздно вечером до дома. Она была двоюродной сестрой его друга, и он не мог отказать ей в просьбе. Правда, как впоследствии оказалось, девочке захотелось просто покататься на машине со взрослым парнем, покрасоваться перед подружками-старшеклассницами.

Ира была школьницей. И это обстоятельство тяготило Татьяну ещё больше. Она ругала сына за легкомысленность, мужа — за то, что он вообще оформил доверенность на вождение машины для Тимофея. Эх, знал бы, где упасть, соломку бы подстелил...

Работая много лет учителем в школе, она всех учеников справедливо считала детьми. А с детей какой спрос? Их ей всегда отчего-то было жаль. Кого-то она жалела за слабое здоровье, кого-то за пьющих родителей... И Ирину, которую она вообще никогда в жизни не видела, Татьяна тоже жалела. Что с ней теперь? Ведь сейчас она, наверное, и учиться не может... Школа! Вот где всё знают о своих учениках! В том числе и домашний адрес, и сведения о родителях.

В школах города её знали — она была известным учителем, часто выступала с открытыми уроками и со своими методическими разработками. Поэтому её приветливо встретили в школе, где училась Ирина. Не объясняя причины своего интереса, Татьяна спросила у директора, как можно найти Ирину Севостьянову.

— А Ирочка на соревнованиях! — радостно провозгласила директор.

— Каких соревнований? — опешила Татьяна.

— По баскетболу. Сегодня соревнования в нашем округе, а Ирина — член сборной школы! — гордо завершила директор.

— А... она... Разве она не освобождена от физкультуры? — робко поинтересовалась Татьяна.

— С чего это? — пожала плечами директор,

доставая классный журнал 10 а класса из вертикальной стойки с отделениями. Найдя нужную страницу предмета «физкультура», она утвердительно произнесла: «У Иры нет пропусков уроков. Только хорошие оценки!»

— Спасибо! — облегчённо выдохнула Татьяна и, на ходу застёгивая пальто, вышла.

4

«Слава богу, что всё обошлось!» — радостно думала она, шагая по осенней улице. Клёны светились янтарным светом в лучах нежаркого солнца, рябины гостеприимно протягивали навстречу ветви с тяжёлыми гроздьями. Татьяна не шла — она порхала! Ведь теперь, когда всё прояснилось, должен же прекратиться этот кошмар с уголовным делом! Уверенная, что именно так и будет, она направилась к следователю.

Следователь — щуплый светловолосый парнишка — что-то сосредоточенно строчил на клавиатуре компьютера. Он рассеянно взглянул на Татьяну, не предлагая ей сесть. Но она села сама напротив него и сразу завела разговор о деле.

Парнишка сказал, что, раз уж она пришла, он должен её допросить. Татьяна оживилась — пусть допрашивает! Может, её слова и аргументы убедят следователя. Но её слов он словно не слышал, с отстраненным видом печатая что-то своё.

— Ваш сын совершил преступление с того момента, как сел за руль автомобиля. Потому что автомобиль — это средство повышенной опасности, — безапелляционно заявил следователь, передавая ей составленный им протокол.

— Автомобиль — средство передвижения, — не согласилась с ним Татьяна, машинально исправляя ошибки в протоколе.

Ей стало жаль парнишку, который, успев стать следователем, так и не успел выучить русский язык.

— А с запятыми у вас вообще беда, — вздохнула Татьяна, возвращая следователю испещрённый её учительскими правками текст.

– Беда, – согласился парнишка, исправляя свои ошибки в компьютерном варианте.

– И не только с запятыми. Вы сами-то, читая протокол, составленный со слов инспектора после аварии, ничего не заметили? – ехидно осведомилась Татьяна у следователя.

– А что я должен заметить? – искренне удивился парнишка.

– Ну, например, то, что один свидетель – постовой патрульной службы – пишет: «Парень сказал, что машина ударилась о какое-то препятствие в темноте, возможно, о камень. Мы искали камень, но так его и не нашли. Значит, парень солгал». А второй свидетель – напарник постового, о том же эпизоде пишет так: «Парень сказал, что в темноте машина наткнулась на камень. Мы замерили расстояние до камня, оно составило 10 метров, следовательно, машина о него удариться не могла».

Спрашивается, как они могли измерить расстояние до камня, которого не нашли, и откуда вообще измеряли? – Татьяна откровенно рассмеялась. – Мне можно взять копии документов?

– Нельзя, – насупился следователь. – Копии может брать только обвиняемый.

– Понятно. Значит, обвиняемый и возьмёт.

Она поднялась со стула. Чего ждать от этого следователя, вчерашнего двоечника? Надо найти хорошего адвоката, который это безграмотно составленное дело разнесёт в пух и прах, – решила Татьяна, выходя на улицу.

Адвоката она нашла. Частного. От государственного посоветовала сыну отказаться по причине бесполезности. «Уж лучше заплатить, но выиграть дело», – решила Татьяна, входя в кафе, где новый адвокат назначил ей встречу.

Молодой мужчина, завидев свою клиентку, приветливо шагнул к ней навстречу, помог снять пальто, жестом пригласил сесть. Заказал две чашки кофе и обратился к Татьяне: «Не расстраивайтесь! Я читал дело вашего сына, на 90 процентов оно выигрышное. закажем новое медицинское освидетельствование потерпевшей, заявим необходимый протест...» Будто машинально, он положил руку Татьяне на колено. Она деликатно отодвинулась и спросила прямо:

– Сколько?

Она никогда раньше не прибегала к услугам адвокатов и не имела ни малейшего представления, как делаются такие дела. Адвокат написал на бумажной салфетке сумму и придвинул к её чашке.

У Татьяны захватило дух. Нет, конечно, ради сына ей не жалко денег, но таких у неё просто не было. И не могло быть при их скромных с мужем заработках.

Она растерялась. Адвокат, как будто с удовлетворением заметив её растерянность, мягко сказал, придвинувшись к ней вместе со стулом: «Не пугайтесь. Я довольно состоятельный человек, и деньги меня не интересуют...» «Что?» – не поняла Татьяна. «Ну, мы можем с вами просто договориться...» – заговорщически прошептал адвокат, и глаза его лукаво блеснули. До неё вдруг дошёл смысл сказанного. Она рефлекторно выплеснула кофе ему на грудь в белой рубашке.

«Хулиганка!» – вскочил адвокат, пытаясь салфеткой затереть пятно на рубашке. Татьяна, подхватив своё пальто, ринулась к двери...

5

«Боже мой, что же делать? – лихорадочно думала Татьяна, съжившись на диване в своей квартире. – Следователь недоучка, адвокатов нет, круг сужается и вот-вот задушит...»

Но нельзя показывать сыну своё расстройство и растерянность. Ему и так тяжело. Ходит на допросы, как в университет на учёбу. Она однажды, принявшись, уловила от пальто сына запах табака. В их семье не курили, поэтому это стало для неё тревожным сигналом.

– Не смей курить, Тимка, не смей! – в ярости трясла она за плечи Тимофея. Он не стал оправдываться и сказал лишь, что курит тайком, чтобы её не расстраивать. И сигарета, дескать, снимает стресс...

– Стресс надо снимать не курением, а действиями! Не уходить от проблем, а решать их! – кричала она Тимофею в лицо, который

даже не старался возражать ей, а безмолвно переступал с ноги на ногу.

На её мольбы сделать хоть что-нибудь её муж Андрей однажды сказал как отрезал:

– Сам вляпался, пусть сам и выкручивается! Надо привыкать нести ответственность за свои поступки. Не маленький – 20 лет уже.

И этими словами закрыл тему. Татьяна где-то читала, что отцовство – социальное качество, и оно приобретённое, в отличие от материнства, инстинктивного, острого чувства, побуждающего женщину всегда оберегать и защищать того, кого она выносила под сердцем. Как Тимофей может выкрутиться сам? Никак. А что может сделать она?

6

В трудные минуты жизни она всегда обращалась к Богу, и он, как ей казалось, слышал её молитвы, потому что помощь всегда неожиданно приходила. Татьяна была верующим человеком, но молилась просто – дома, в церкви бывала редко. Её как-то подавляло торжественное убранство храма и присутствие других людей, которые, как ей казалось, могут подслушать её молитвы. А она любила быть наедине с Богом. Так было проще рассказать о своих бедах и попросить помощи. Татьяна вспомнила, как когда-то отчаянно просила Бога защитить её от людской несправедливости и он защитил.

Это было давно. Тогда она, будучи молодым учителем, ещё только завоёвывала свой профессиональный авторитет. Её любили ученики и их родители, с коллегами она всегда старалась поддерживать ровные отношения. И потому её так ошарашило внезапное предложение директора школы, где она работала, уволиться по собственному желанию.

– Почему? – беспомощно спрашивала она крупного, властного Петра Сергеевича, сидя в его кабинете.

– А потому, – вступила в разговор миловидная завуч Светлана Ивановна, – что ваше присутствие создаёт в коллективе нездоровую обстановку.

– В чём это выражается? – упорно допытывалась Татьяна, не сводя глаз с нависшего над столом директора.

– А в том, – тут он выпрямился и выкинул руку в сторону Татьяны, – что вы настраиваете родителей против других учителей. Вот, полюбуйтесь!

Он взял со стола кипу каких-то бумаг и гневно потряс ими в воздухе.

– Это заявления родителей с просьбой опеделить их ребёнка в ваш класс! Прямо демонстрация какая-то!

– А другие учителя ничуть не хуже, – в тон ему добавила Светлана Ивановна.

– Но я... – начала было Татьяна, пытаясь привести разумные аргументы в пользу своей невиновности. Ведь она и понятия не имела о том, что родители изъявляют желание учить своих детей у неё.

– Пишите заявление по собственному желанию и уходите! – директор стукнул кулаком по столу, давая понять, что разговор окончен.

– А если нет? – Татьяна почувствовала, что в ней просыпается сопротивление. Она что, должна уходить из-за того, что хорошо работает? Из-за того, что кто-то ей завидует или ревнует?

Сдерживая себя от резкой ответной реакции, она молча вышла из кабинета. Что она могла поделать против воли своего начальника? Ничего. Само сознание, что её не желают здесь больше видеть, душило изнутри не меньше слёз. Но и волю слезам она тоже дала. Когда вышла в пришкольный парк, села на скамейку. Вот тогда-то она и обратилась к Богу – не в церкви, а в парке, мысленно умоляя его восстановить справедливость.

Справедливость восстановилась неожиданно быстро. Помощь пришла оттуда, откуда она никак не ждала...

Примерно через пару недель её вновь вызвали в кабинет директора. На этот раз Петр Сергеевич напоминал большую тёмную тучу, наполненную гневом изнутри, которая вот-вот должна была разразиться мощной грозой с громом и молниями.

– Это что такое? – прошипел директор, ткнув ей в лицо какой-то листок. Она толком

и разобрать не могла, что в нём написано. Заметила лишь подпись, выделенную жирным шрифтом. Бумагу подписал прокурор города Шеков А.А.

— Что это? — вопросом на вопрос ответила Татьяна.

— Не прикидывайтесь! Нажаловалась в прокуратуру, теперь нас проверками замучили! По предписанию прокурора я, видите ли, обязан вам вернуть снятые надбавки за интенсивность и классное руководство. Это что же, теперь прокурор определяет, кто и как в школе работает?

Директор шлёпнул прокурорские предписания на стол, придавив сверху пепельницей, и отвернулся к окну.

— Наверное, забота прокурора состоит в том, чтобы правила соблюдались для всех, — ответила Татьяна.

Директор молчал. Поняв, что разговор окончен, Татьяна быстро юркнула в коридор. Ни в какую прокуратуру она не жаловалась. Да ей бы и в голову никогда не пришло искать защиты в прокуратуре.

Как потом выяснилось, прокуратура в это время затеяла какую-то плановую проверку образовательных учреждений города, в ходе которой и были выявлены нарушения в их школе, допущенные администрацией. Вероятно, предписание прокурора, которое Татьяна так и не читала, содержало ещё какие-то рекомендации помимо возвращения законных надбавок к окладу Татьяны. Потому что вскоре после проверки и директор и завуч ушли сами. По собственному желанию.

И теперь вновь обращаясь к Богу со своим горем, она мысленно поблагодарила Господа за ту помощь, которую он ей уже однажды послал. И сердцем чувствовала, что её благодарность является для Бога признанием её веры в него, их духовной связи, основанной на взаимном доверии.

У Бога рук нет — он действует через людей. Тогда помощь пришла в лице прокурора Шекова, чью подпись она увидела на предписании в кабинете директора. Наверное, получив помощь однажды, человек инстинктивно вновь обращается туда же, откуда она приш-

ла. Прокрутив в голове воспоминания о событиях давних лет, Татьяна приободрилась. И быстро нашла в интернете имя прокурора города. Оно было тем же: Шеков Артемий Александрович.

7

Шеков Артемий Александрович нырнул в последний раз и, проплыв дважды дорожку бассейна, поднялся по металлической лесенке. Взглянул на настенные часы — обеденное время подходило к концу. Для него стало привычкой ходить в бассейн днём, когда здесь не было народа.

Плавание не только позволяло Артемию поддерживать свою прекрасную физическую форму, но и сбрасывало негатив и напряжение, которыми нередко был пропитан рабочий день прокурора. Вода освежала и успокаивала. Артемий любил плавать, как любил играть в хоккей или кататься на лыжах. И дело было не только в том, что спорт сам по себе доставлял ему удовольствие, но и в том, что Артемий Шеков — это человек, который сделал себя сам. Сделал таким, каким ему хотелось быть — похожим на героев своих любимых книг. В детстве он зачитывался книгами, которые во многом сформировали его мировоззрение и во взрослой жизни. Пожалуй, самой любимой была книга В. Каверина «Два капитана». Но и герои Джека Лондона или Дюма — сильные и отважные — будоражили воображение мальчишки. В душе он был романтиком. Мечтал о том, чтобы стать археологом. В 12 лет гордился тем, что знает перечень всех предметов, найденных в гробнице египетского фараона Тутанхамона...

Но жизнь распорядилась иначе. Работая следователем, а теперь прокурором, он разгребал Авгиевы конюшни жизни, ежедневно сталкивался с ворами, бандитами, мошенниками и убийцами. Но это был его профессиональный выбор. Поэтому он так ценил возможность днём нырнуть в чистую воду и вынырнуть обновлённым и полным сил. Хотя некоторые коллеги снисходительно

считали чудачеством трату обеденного времени на бассейн, а не на основную трапезу.

Успев перекусить в буфете бассейна, Артемий Александрович сел в ожидавшую его машину и поехал в прокуратуру.

8

Татьяна разложила на столе принесённые Тимкой копии дела и углубилась в их чтение, делая на полях пометки напротив фактов, требующих изучения. Она решила взяться за дело сама, не доверяя адвокатам. В конце концов, её многие справедливо считали умной женщиной, обладающей хорошими аналитическими способностями.

Итак, в чём обвиняют её сына Тимофея? В том, что машина перевернулась по его вине и пострадала пассажирка. Но в чём его вина? Она вспомнила слова следователя: «В том, что сел за руль». Ладно, сел бы нетрезвый или больной, или в неисправную машину... Но техосмотр она прошла! Татьяна читала дальше: «...вследствие превышения скорости...» Неужели её осторожный Тимка в черте города скорость превысил? Да он отца-то всегда в машине сдерживал, когда стрелка на спидометре перескакивала за 100 км/ч. Она взяла с полки «Справочник по элементарной физике» своего сына – студента физико-технического факультета – и нашла формулу, определяющую скорость по тем параметрам, которые были указаны в деле. Подставила значения в формулу (среди которых была и длина тормозного пути) и вывела результат – 57 км/ч. Разве это превышение?

Она взяла чистый лист бумаги и старательно вывела в правом верхнем углу: «Прокурору г. Двинска Шекову Артемию Александровичу». Далее, собираясь с мыслями, написала письмо, изложив в строгом логическом порядке свои соображения по этому делу. Она подумала о том, что, не будучи знакомой с прокурором лично, уже доверяет этому человеку. Почему? Однажды он уже восстановил справедливость в её жизни, пусть и не ведая об этом...

Неожиданно в комнату вошёл сын и, прочитав её письмо, безнадежно махнул рукой:

– Бесплезно всё это. Мам, ты понимаешь, что разрешение на возбуждение уголовного дела даёт прокуратура? Выходит, ты в прокуратуру жалуешься на саму прокуратуру. Логика где?

В своём поступке Татьяна не искала логики – она искала помощи. Тем более, что в другие двери она уже пыталась входить – и к следователю, и к адвокатам. Круг сузился. Где ещё искать правды и защиты?

– Ну не в прокуратуре же! – в сердцах воскликнул Тимофей и, выходя, через плечо бросил:

– Следователь сказал, что через два дня дело уже в суд передают. Решено.

– Как в суд? – ужаснулась Татьяна.

Она заторопилась – быстро оделась и пошла в прокуратуру относить своё письмо.

Ответ на него она получила быстро. Ей ответили, что она «не является процессуальным лицом» и поэтому не вправе задавать вопросы о ведении следствия.

Процессуальным лицом мог быть адвокат, от которого она отказалась, или обвиняемый – её сын Тимофей.

«Ладно, будет вам процессуальное лицо!» – уже задиристо подумала Татьяна, вновь погружаясь в материалы дела, копии которого ей принёс сын.

Снова и снова вчитываясь в формулировки, анализируя факты и выискивая необходимые документы в интернете, она полгода писала письмо за письмом в прокуратуру – Артемию Шекову, теперь уже от имени Тимофея.

Если бы ей кто-нибудь раньше сказал, что человек может полгода жить без сна, она не поверила бы.

Многomesячное бессонное тревожное напряжение измотало её изнутри, высосало силы. Одно укрепляло её дух – желание поддержать сына в эти чёрные дни, не показав ему своего отчаяния.

Когда он вечерами работал за компьютером, Татьяна иногда обнимала его сзади или, положив ему руки на плечи, бодро говорила: «Ничего, Тимка, ничего! Справимся! Не переживай!» Тимофей переживал молча, тоже не же-

лая давать матери повода усомниться в том, что всё будет хорошо. А разве могло быть хорошо, когда неотвратно приближается судный день, в который его, Тимофея, объявят преступником...

Её письма в прокуратуру оттягивали этот день, но не могли его отменить. И откуда ей было знать, что после каждого письма прокурор отправлял дело на новое следствие, так же тщательно, но профессионально, в отличие от Татьяны, изучая все его обстоятельства.

9

Через полгода из прокуратуры Татьяне позвонили. Дело в суд ещё не передали. Звонивший представился заместителем прокурора и пригласил её прийти в прокуратуру.

...На дверях указанного кабинета Татьяна прочла надпись на табличке: «Заместитель прокурора Козин Виталий Валерьевич». Глубоко вздохнув, она решительно шагнула внутрь.

За столом сидел грузный, угрюмый человек в тёмно-синей форме и перелистывал какие-то бумаги. Увидев Татьяну, резко спросил: «Вы кто?» Татьяна представилась.

— А! Так вот вы какая! — неожиданно ожилился Козин. — Всю прокуратуру на уши поставили, а по виду и не скажешь! — радостно потирая руки, произнёс он.

Не понимая, почему она «поставила на уши» прокуратуру, Татьяна огляделась вокруг в поисках вешалки, чтобы снять своё зимнее пальто и меховую шапку. Не предлагая ей раздеться, Козин жестом пригласил её сесть за стол. Татьяна робко присела, вглядываясь в лицо человека в строгой синей форме и пытаясь понять, какие известия её ждут.

— Это ведь вы писали письма в прокуратуру от имени Тимофея Звягинцева! — торжественно ткнул в неё указательным пальцем Виталий Козин.

— Я, — простодушно призналась Татьяна. И пояснила:

— Вы меня сами вынудили в силу того, что я — «непроцессуальное лицо».

— У вас есть юридическое образование? —

живо заинтересовался Козин, всматриваясь в её лицо.

— Нет, — честно ответила Татьяна и тут же услышала громогласное возражение:

— А откуда же вы нахватились слов таких — «процессуальное лицо»?.. — не сдавался Козин.

— Так от вас и нахваталась. Из ваших ответов, — скромно объяснила женщина, в свою очередь тоже рассматривая внимательно Козина.

Уличённый в нелогичности, заместитель прокурора резко встал, обошёл вокруг стола и снова сел.

И вдруг, прищурившись, шутливо грозя ей указательным пальцем, произнёс:

— А действительно ли вы та, за кого себя выдаёте? Как это у вас может быть двадцатилетний сын? И когда же вы успели его родить — в детстве, что ли?

— Когда захотела, тогда и родила, — устало ответила Татьяна, не собираясь разубеждать мужчину относительно своего возраста.

— Ну, и чего же добиваетесь? — ехидно спросил зампрокурора, откидываясь на спинку кресла и с каким-то удивлением вглядываясь в лицо Татьяны.

— Справедливости, — спокойно ответила она, поражаясь его вопросу. И продолжила:

— Ведь прокуратура — это орган, осуществляющий надзор за соблюдением законности. Поэтому...

Козин, не дав ей договорить, резко встал из-за стола и почти воскликнул:

— Это теоретически так! А на практике прокуратура — это сторона обвинения! И если уж завели дело, то обвиняемый должен быть осуждён обязательно! Иначе получится, что мы плохо работаем. Вот! — Козин выдохнул, хлопнул рукой по столу и сел на место, добавив уже спокойнее:

— Так что вы, гражданка, пишете не по адресу. А написали-то сколько! — с этими словами он взял со стола кипу бумаг и потряс ими в воздухе.

Татьяна поняла, что это были её письменные обращения в прокуратуру на имя прокурора Шекова...

Чем больше Татьяна вникала в дело, воз-

буждённое против её сына, тем больше у неё возникало вопросов, которые она излагала на имя прокурора, требуя ответов на них.

— Да после каждого вашего письма прокурор нас всех собирает, тычет носом, как слепых котят, в эти ваши вопросы и требует отправить дело на доследование, — досадливо морщась, продолжал Козин. — Это же надо — расследование какого-то ДТП затянулось на полгода! — При этих словах зампрокурора закатил вверх глаза и далее, воздев указательный палец, воскликнул:

— А срок на это даётся два месяца!

Татьяна внутренне съёжилась. Получалось, что и в этой конторе её попытка спасти сына не проходит, встречая отчаянное сопротивление организации, призванной следить за соблюдением законности. «Надо же, сторона обвинения...» — подумала Татьяна и, не успев мысленно сформулировать своё отчаяние, вздрогнула от внезапно распахнувшейся двери.

Судя по тому, как вдруг приподнялся, подтянулся и замолчал Козин, Татьяна догадалась, что в кабинет вошёл не кто иной, как сам прокурор города. Высокий, ладный, в хорошо подогнанной форме, Артемий Александрович Шеков напоминал военного лётчика. Сердце Татьяны ухнуло и закатилось куда-то далеко. Перехватило дыхание. «Наверное, от страха», — подумалось ей. Да и как было не испугаться, когда Козин ей уже доходчиво объяснил, что защиты она ищет не по адресу. Прокуратура — это сторона обвинения, и чем больше будет осуждённых, тем для неё лучше. А всякие доследования, затягивающие дело, только портят показатели работы. Не исключено, что некоторых из-за этого лишают премий и продвижения по службе.

«Как же так? — думала Татьяна, взглядываясь в шагавшего взад-вперёд по кабинету молодого прокурора Артемия Шекова. — На кону судьба человека, а для них важнее показатели перед лицом вышестоящего начальства?» И она, набрав в грудь воздуха, словно вглубь нырнула, обратилась к Артемию Александровичу: «Прокуратура — это орган, осуществляющий надзор за соблюдением законности...»

При этих словах Козин сдвинул брови, но уже возражать не стал. Далее, ободрившись тем, что её слушают не перебивая, она начала делиться с прокурором своими аргументами, которые и так уже излагала в письменных обращениях.

Шеков, нахмурившись, молча ходил по кабинету, не глядя на неё. По лицу трудно было догадаться, о чём он думает.

«А знаете, — заявила Татьяна, — я прочитала в интернете, что главное человеческое качество прокурора — это безжалостность. Даже жестокость». Артемий Александрович остановился, хмыкнул, иронично переспросил: «Да?» А потом, чему-то улыбнувшись, добавил: «Это безжалостность по отношению к преступникам. А разве можно без жалости и сострадания относиться к потерпевшим? Наказывая преступников, прокурор тем самым защищает пострадавших от них людей». Он строго взглянул на Татьяну и продолжил: «Поэтому обвинение одних — это защита для других».

«А разве мой сын преступник? — спросила Татьяна, неотрывно глядя на Артемия Шекова. — Он и есть потерпевший. Сам чуть в аварии не погиб, машина вдребезги, а всё из-за состояния наших дорог и несоблюдения правил безопасности», — осмелела она, перечисляя все необходимые меры, вычитанные ею в специальных документах, которые, как ей казалось, не были соблюдены в городе. Исчерпав все свои аргументы, Татьяна вдруг тихо попросила: «Помогите, пожалуйста...» Он изумлённо взглянул на неё своими чистыми глазами и, не проронив ни слова, вышел из кабинета.

10

«Ишь ты — помогите, пожалуйста...» — повторил про себя Артемий слова странной посетительницы. Шеков вдруг улыбнулся. Он что, бюро добрых услуг? Обвиняемые прокуратуру о помощи не просят. Помогать — дело адвокатов. Интересно, почему у этой женщины, то есть у её сына, нет адвоката? Он мог бы официально заявлять протесты по делу на основании тех аргументов, которые она предъявляла. И пишет-то как юридичес-

ки грамотно, логично и обоснованно. А ведь действительно, в ходе назначенных им, прокурором, исследований вскрылся обман с медицинскими документами пострадавшей стороны. Независимое медицинское освидетельствование пострадавшей не выявило не только тяжких телесных повреждений, но и из лёгких-то уже ничего не осталось.

Девушка здорова. Но разве можно об этом сказать матери этого парня, на которого заведено уголовное дело? И в суд такое дело направлять рискованно — ведь оно развалится из-за недоказанности улик. И не отправлять тоже нельзя, потому что все сроки по таким делам давно вышли.

Артемий Шеков был человеком с принципами. И этими принципами он не поступался в прокурорской деятельности. Вот и это незатейливое ДТП, в котором всё было ясно как летний день, растянулось на полгода, испортив показатели и, как следствие, лишив коллег премиальных. Он замечал, как неодобрительно они косились на него все эти месяцы.

Кому нужны эти истина и справедливость? Многим в его среде они были не нужны.

И правду сказал Козин этой испуганной женщине о том, что прокуратура — сторона обвинения... В их практике так сложилось. Но у него, Артемия Шекова, складывается своя практика, исходя из собственных убеждений в выбранном им профессиональном пути. Несколько раз он отправлял это дело о ДТП на исследование, чтобы исключить хоть малейшие проколы в собранных доказательствах, и что получилось в итоге? А в итоге выяснилось, что вообще зря завели это уголовное дело. И что было теперь делать? Прокурор должен закрыть дело в связи с отсутствием состава преступления. Но ДТП было? Было.

Улики против обвиняемого собирались? Конечно. А теперь что — пшик?.. На кону — репутация прокуратуры, а не только лишь его, Артемия Шекова. Артемий подошёл к окну, открыл форточку. Изящное кружево заснеженных берёз в оконном проёме радовало глаз зимней чистотой и свежестью. «Вот и совесть моя должна быть чиста и спокойна», — подумал Артемий, принимая для себя решение. За-

тем позвонил по внутреннему телефону Козину: «Пригласи родителей потерпевшей. Объясни, что фальсификация документов — наказуемое деяние... Да сам всё знаешь...»

11

Артемий со своими принципами плыл против течения, часто осложняя себе жизнь непониманием коллег и начальства. Так складывалось не только на службе, но и дома. Великий Толстой утверждал, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные по-разному. Из своего опыта Артемий считал, что и несчастливы семьи тоже одинаково. Что нового во взаимных упрёках супругов, их непониманиях и раздражении?

«Любовная лодка разбилась о быт», — писал советский поэт. Да не о быт разбиваются эти лодки. Их высокие борта крушат упрёки и недовольства, ссоры и выяснения отношений. Естественной реакцией человека становится попытка укрыться от этих изматывающих и бесконечных штормов. И укрытием зачастую становятся новые отношения.

У Артемия они были. Он не придавал им большого значения, полагая, что если он нравится женщинам, то почему нужно отказываться от того, что дарит сама жизнь? Хотя и в своей личной жизни он тоже не поступался принципами.

Уж как хороша была Катерина — яркая, броская своей цыганистой красотой, с чёрными обжигающими глазами, воспетыми в песне...

Она не скрывала своего интереса к нему, обозначаясь в его жизни то визитом в прокуратуру, то звонком, то «случайной» встречей в иных местах...

И не только своей красотой и раскованностью пыталась взять его, но и поступком, заслуживающим как уважения, так и благодарности: именно она однажды предупредила Артемия о том, что его бандиты хотят убить, поделившись информацией от подслушанного в их доме разговора... Что должен чувствовать мужчина к женщине, спасшей ему жизнь? Доверие, благодарность, желание отплатить за добро добром, за любовь — любовью...

Было одно «но»: Екатерина Михайловна являлась женой криминального авторитета, «вора в законе» Штруделя. И поэтому, несмотря на доступность и броскую красоту, не только не вызывала ответного мужского желания Артемия, но и оставила в его сознании некий осадок брезгливости к ней.

«Взять бабу из-под вора — унизительно для офицера», — думал Артемий, иногда натываясь своими нечаянными воспоминаниями на эту женщину.

И его оглушительный роман с молодой практиканткой — студенткой юрфака — тоже как-то сошёл на нет, как сходит снег весной — серый, мокрый, жалкий, вызывающий лишь досаду своим наличием, когда уже минувла настоящая зима с новогодними праздничными снегопадами...

Артемий думал про себя, что он не умеет любить по-настоящему. Что ему просто не дано это, как не дано каждому быть музыкантом или художником...

Иногда Артемий писал стихи. Для себя. И в этих стихах вдруг просачивалось такое нежное чувство к женщине — к той, которую он еще, возможно, не встретил, а может, и не встретит уже никогда...

Ему самому больше всего нравились случайно, как он считал, получившиеся строчки:

*Твои рыжеватые пряди
Осенне-кленового цвета
Я буду лелеять и гладить
До самой зари, до рассвета.
И запах их спело-душистый
С горчинкой ушедшего лета
Вином молодым и игристым
Не даст мне уснуть до рассвета...*

Но, кроме него самого, эти стихи никто так и не увидел.

12

Татьяна, как обычно, вечером проверяла школьные тетради за своим письменным столом с настольной лампой. И даже занима-

ясь привычной работой, нервничала, напрасно заставляя себя не думать о нависшем над ними уже несколько месяцев уголовном кошмаре.

Ей казалось, что сама она стала похожа на сжатую пружину, которая может вот-вот разжаться от переполнившей её напряжённой силы и разразиться чем-то ужасным: истерикой, криками, опрометчивыми поступками, может, даже смертью... Сколько может выдержать её материнское сердце?

Дверь в комнату приоткрылась, Татьяна обернулась на её скрип. В дверном проёме стоял Тимофей, переминаясь с ноги на ногу. Немного выждав, словно собираясь с духом, наконец выдохнул:

— Мама, надо бы тебе к родителям Иры сходить — поговорить... — он протянул ей маленький листок. — Вот адрес.

Татьяна закрыла очередную тетрадь и встала. Действительно, к родителям пострадавшей в аварии девочки она так и не собралась. А зачем? Ведь в её школе сказали, что Ира посещает уроки физкультуры, значит, с ней всё в порядке. Что они хотят от неё? Тимофей — совершеннолетний парень, сам отвечает за свои поступки. Девушку в аварии не бросил, да и потом навещал. «Наверно, надо принести родителям Иры извинения за сына», — подумала Татьяна, уже одеваясь в прихожей.

— Я скоро! — крикнула она напоследок сыну и закрыла снаружи дверь.

Дом Иры она нашла сразу. Позвонила в дверь, обитую коричневым дерматином. За дверями квартиры послышались шаги, какое-то шевеление, приглушённые голоса. Татьяна снова нажала на белую кнопку квадратного звонка. Подождала. Наконец дверь открылась — на пороге стоял пожилой мужчина в спортивном костюме и шлёпанцах на босу ногу.

— А-а, мы вас раньше ждали. Ну проходите, раз пришли, — он жестом пригласил её войти.

Татьяна прошла в комнату и села на диван у двери. У окна, напротив дивана, с каким-то испуганным видом стояла женщина неопределённого возраста и настороженно смотрела на гостью.

— Я мать Тимофея, — начала Татьяна разговор первой, удивляясь внутренне тому,

что её впустили в квартиру, даже не спросив, кто она.

— Я хочу принести вам свои извинения за Тимофея, совершившего ту аварию... — уверенно, по-учительски, начала Татьяна, глядя в глаза стоящей напротив неё женщине, судя по всему, матери Ирины.

— Извинения?! — вдруг выкрикнул впрыгнувший из коридора в комнату мужчина. — Под монастырь мою дочь подвели, а теперь извиняетесь? — отчего-то кипятился он, нависая над оторопевшей Татьяной. И продолжил кричать в лицо:

— В прокуратуру жаловались, значит?! Одну мою дочь ваш сын чуть в аварии не угробил, а другую с работы из-за вас уволили! Ну и что, что она как врач сделала эту справку о тяжких телесных повреждениях?! Да если бы вы пришли к нам сразу, поговорили по-людски, так никакого бы уголовного дела и не было! Ведь понимать должны, что нашей Ирочке санаторное лечение требуется, а кто его будет оплачивать?

— Лечение? — удивилась Татьяна. — Если оно требуется, то надо обратиться в страховую компанию, ведь у нас оформлено страхование пострадавших лиц в результате ДТП.

— Нет! — отрезал, словно выдохнул, мужчина и, как-то скиснув, сел на стоящий рядом с диваном стул. И уже устало добавил:

— Страховая компания будет опять Ирочку медицинскими обследованиями мучить, а её уже прокуратура намучила — ведь по вашему заявлению прокурор назначил новое медицинское освидетельствование...

Татьяна вдруг прозрела. До неё только сейчас дошёл смысл всего сказанного. Она поднялась с дивана и подошла к матери Ирины почти вплотную, тихо проговорив:

— Значит, вы решили заработать на несчастье вашей дочери? Подделали медицинское заключение, по которому и возбуждали уголовное дело против моего сына. И ждали, чтобы я принесла вам деньги? А я, недогадливая такая, обратилась в прокуратуру, которая вскрыла ваш умысел...

— Что вы! — взмахнула руками женщина и заплакала. — Да разве мы хотели!.. Вот и в прокуратуре нам сказали, что мы хотели поса-

дить Тимофея, поэтому и... — Она не закончила фразу и закрыла лицо руками. Её плечи сотрясались от рыданий.

Татьяне стало жалко плачущую женщину, и она решила прекратить дальнейший разговор. Да и о чём теперь можно было разговаривать?..

13

Суд состоялся весной. Татьяна впервые присутствовала в зале суда, и всё происходящее казалось ей вымыслом, сценой из фильма. Её Тимофей — на скамье подсудимых? Она вглядывалась в напряжённое лицо своего сына и мысленно молила Бога о милосердии к нему и к ней самой, измученной, истерзанной длительными переживаниями и цепким страхом, не отпускавшим её душу ни днём, ни ночью в течение полугода.

Адвоката у них не было. И это обстоятельство тоже пугало Татьяну, ведь судье свои доводы и требования предоставит лишь сторона обвинения... А кто защитит Тимку, её единственного сына, от злого рока и людской нечистоплотности?

Вошёл судья. В чёрной мантии, он показался Татьяне похожим на зловещего черного ворона, нависшего над их судьбой... Она плохо улавливала смысл отрывистой резкой речи судьи и вострепнулась, когда до её сознания долетели слова:

— Слово предоставляется государственному обвинителю...

Татьяна пропустила мимо ушей имя и фамилию обвинителя, вперившись взглядом в молодого прокурора и по его лицу пытаясь понять намерения карающей стороны.

Ладный молодой человек в синей прокурорской форме поднялся, открыл папку и начал зачитывать обвинительное заключение.

У Татьяны перехватило дыхание, она невольно подалась вперёд. Слушая прокурора, боялась ушам своим поверить: излагая суть дела, молодой обвинитель постоянно делал упор на невиновность Тимофея: и превышения скорости у него не было, и алкоголя в крови не обнаружено, и с места происшеств-

вия не скрылся, а вызвал скорую помощь для пострадавшей пассажирки...

– В силу вышеизложенных обстоятельств, – продолжал государственный обвинитель, – предлагаю истцам, – тут он многозначительно повернулся в сторону родителей Ирины, расположившихся на противоположной от Татьяны скамье, – примириться с ответчиком.

И, уже обращаясь к судье, завершил:

– Ваша честь, прошу вас закрыть дело по примирению сторон.

– Мы согласны! Согласны! – хором закричали родители Ирины, вскочив со своего места и не дожидаясь вопроса судьи об их согласии.

Тимофей удивлённо повернулся в их сторону. По его внезапно вспыхнувшим щекам угадывалось внутреннее волнение, которое накатило и на Татьяну.

Событие завершилось решением судьи закрыть дело против Тимофея так молниеносно, что Татьяна не успела ни удивиться, ни даже обрадоваться...

Уже на улице, уткнувшись лицом в чёрное пальто сына, разрыдалась. Тимофей осторожно погладил её по голове, тихо проронив:

– Ну всё, всё, мам... успокойся, не надо...

Она подняла голову – в лазурном небе светило такое ослепительно весеннее солнце, что слёзы снова хлынули из её глаз.

– Надо же, сынок, а ведь весна уже, – улыбаясь сквозь слёзы, пробормотала она. И добавила уже весело:

– А ты ведь говорил, что зря я решила обратиться в прокуратуру. А прокурор-то, по сути, произнёс адвокатскую речь!.. Защитил тебя.

Тимофей хотел что-то ответить, но лишь молча вздохнул, внезапно отвернув голову, Татьяне показалось, что в его глазах стояли слёзы. Вдруг, словно опомнившись, он развернулся к ней:

– Весна, мама, весна! Мне в университет надо! – воскликнул сын, взмахнув рукой. – Я пойду, ладно?

– Иди, Тимофей, иди, конечно! – уже весело разрешила Татьяна, застёгивая на ходу своё пальто, ведь она только сейчас почувствовала холодный прилив весеннего морозного воздуха...

**Конец
первой части**

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН –

главный редактор журнала «Север».

Автор нескольких книг стихов и прозы.

Лауреат премии Президента Российской Федерации.

Лауреат международных поэтических конкурсов

«Золотое перо» – 2009, «Звезда полей» – 2010,

«Душа и слово» – 2011.

Удостоена Почетного знака «Литературной газеты»

«Золотой Дельвиг» «За верность слову и Отечеству» – 2015.

Лауреат премии им. А.И. Фатьянова – 2017.

Награждена медалями им. Ф.И. Тютчева

и им. М.Ю. Лермонтова, а также медалью Союза

писателей Белоруссии «За большой вклад в литературу».

Секретарь правления Союза писателей России.

Председатель Карельского регионального отделения

Союза писателей России.

Кандидат педагогических наук.

